

История восточной философии

History of Eastern Philosophy

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-996-1008>
EDN: SDUZDU

Научная статья / Research Article

Вайшнавизм в поэме Наммальвара «Тирувируттам»

С.Р. Моисеев

Банк России,
Российская Федерация, 107016, Москва, ул. Неглинная, д. 12
 srmoiseev@gmail.com

Аннотация. Наммальвар, тамильский поэт, живший в IX—X веках, почитается как один из великих мистиков Индии. Его четыре поэтические произведения приравнены к священным гимнам и являются частью ритуального поклонения в храмах Южной Индии. Спустя несколько столетий художественные образы Наммальвара легли в основу философии вишишта-адвайты. Поэма «Тирувируттам» считается его ранним произведением, где он объединяет каноны древней тамильской поэзии и свою преданную любовь к Вишну—Тирумалу. В исследовании представлена религиозно-философская интерпретация произведения. Секрет поэмы кроется в дуализме: внешняя красота и ее сакральный смысл. За символами тамильской поэзии прячется духовный смысл. Наммальвар заимствует каноны своих предшественников, поэтов эпохи сангам. Однако наполняет их новым содержанием. Автор сопоставляет древнетамильскую поэзию и творчество Наммальвара. Сюжет описывает любовь между Богом и душой. Поэт раскрывает несколько видов бхакти, или преданной любви. Описание бхакти в последующем легло в основу классификации душ в философии вишишта-адвайты. Бхакти приводит к обретению Вайкунтхи, или небесного города. Учителями шри-вайшнавизма описание взаимоотношений с Вишну—Тирумалем было превращено в духовную практику. Для лучшего понимания художественные образы Наммальвара сравниваются с понятиями индуизма, такими как трансцендентность, даршан, божественная милость и мокша. В Южной Индии «Тирувируттам» считается тамильской «Ригведой». Стихи исполняют дома, в храме, во время праздничных процессий. Поэма позволяет проникнуть в корни вайшнавизма и понять их поэтическое происхождение.

Ключевые слова: шри-вайшнавизм, Вишну, индийская философия

© Моисеев С.Р., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 20.07.2023

Статья принята к публикации 08.09.2023

Для цитирования: *Moiseev S.P.* Вайшнавизм в поэме Наммальвара «Тирувируттам» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 4. С. 996—1008. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-996-1008>

Vaishnavism in Nammalvar's Poem "Tiruviruttam"

Sergey R. Moiseev

Bank of Russia,
12 Neglinnaya St., 107016, Moscow, Russian Federation
 srmoiseev@gmail.com

Abstract. Nammalvar, a Tamil poet who lived in IX—X centuries, is revered as one of the great mystics of India. His four poetic works are equated with the sacred hymns and are part of the ritual worship in the temples of South India. Artistic images of Nammalvar formed the basis of the philosophy of Vishishta-Advaita several centuries later. The poem "Thiruviruttam" is considered as his early work, where he combines the canons of ancient Tamil poetry and his devoted love for Vishnu-Tirumal. The study presents a religious and philosophical interpretation of the poem. The secret of the poem is its dualism: external beauty and sacred meaning. There is a spiritual meaning in symbols of Tamil poetry. Nammalvar takes canons of his predecessors, poets of the Sangam era. However, he fills one with new content. The author compares ancient Tamil poetry and the work of Nammalvar. The plot describes the love between God and the soul. The poet reveals several types of bhakti or devoted love. The description of bhakti subsequently formed the basis for the classification of souls in the philosophy of vishishta-advaita. Bhakti leads to the transition to Vaikuntha or the heaven city. Sri Vaishnavism teachers turned the description of relationship soul-Vishnu into a spiritual practice. The artistic images of Nammalvar are compared with Hindu concepts such as transcendence, darshan, divine grace and moksha. In South India "Thiruviruttam" is considered the Tamil Rig Veda. Poem is performed at home, in the temple, during festive processes. It helps to find the roots of Vaishnavism and understand its poetic origin.

Keywords: Sri Vaishnavism, Vishnu, Indian philosophy

Article history:

The article was submitted on 20.07.2023

The article was accepted on 08.09.2023

For citation: Moiseev SR. Vaishnavism in Nammalvar's Poem "Tiruviruttam". *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(4):996—1008. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-996-1008>

«Экспериментальная» поэма

«Тирувируттам» (Tiruviruttam) представляет собой цикл из ста четырех-строчных строф размера вирутта, сочиненный Наммальваром в начале творческого пути. Это своего рода «экспериментальная» поэма, в которой альвар

укладывает свои чувства к Вишну в каноны древней тамильской любовной прозы. С одной стороны, «Тирувируттам» является литературным повествованием о любви, с другой — собранием моно- и диалогов. Само название произведения многозначно. Его переводят как стихотворный размер в священном контексте, благою весть или событие, историю или записи о любви. Однако, прежде всего, под «Тирувируттам» понимают любовное послание [1]. В определенном смысле оно представлено посланием Лакшми в адрес своего божественного супруга, о чем мы поговорим позже. В основе названия лежит стихотворный размер «вирутта» (*virutta* или *vrтта*). В стиле вирутта традиционно исполнялись тамильские гимны. Певец извлекал из сочинения понравившуюся фразу вне её стихотворного размера и повторял по несколько раз. Собирая и разбирая части произведения вновь и вновь, он музыкально оформлял сакральный смысл гимна. Декламация в стиле вирутта стала общепринятой для большинства исполнений тамильской поэзии. Заучивание и устное воспроизведение гимнов стали необходимыми условиями для их исполнения [2. Р. 140].

Первый перевод «Тирувируттам» на английский принадлежит христианскому миссионеру и директору Колледжа Уэсли в Мадрасе Джону Хуперу [3]. Опубликованный в 1929 г. в Калькутте сборник «Гимны Альваров» содержал полный перевод поэмы. Несмотря на чопорный язык викторианской эпохи и отсутствие понимания тамильской символики, работа Хупера полезна тем, что сохранила вайшнавское объяснение сакрального смысла произведения. Среди современных переводов выделяются работы поэта, литератора и профессора лингвистики Чикагского университета Аттипате Кришнасвами Рамануджана, а также профессора религиоведения и сравнительного литературоведения Калифорнийского университета Арчана Венкатешан. В «Гимнах погружённых» Рамануджан по нескольким выборочным строфам раскрывает символические ассоциации тамильской поэзии [4]. В 2014 г. Венкатешан опубликовала на английском языке полный научный перевод «Тирувируттам» с обсуждением персонажей, сюжета и любовной лирики [5].

Внешняя красота и сакральный смысл

Для современного читателя «Тирувируттам» представляет собой экстраординарное произведение, выходящее за рамки привычного восприятия. В нём совсем непросто различить структуру, логику или сквозной сюжет. На помощь приходят комментаторы, сведущие в жанре и втором смысле «Тирувируттам», прежде всего вайшнавские учителя и научные переводчики. Различают внешнюю красоту, или внешний смысл (*anyāpadeśa*), и внутреннее наполнение, или сакральное толкование (*svāpadeśa*). В некоторых случаях взаимное проникновение внешнего слоя поэмы и её внутренней начинки бывает настолько полным, что трудно отличить одно от другого. Например, «я словно океан, чьи волны разбились, без амриты оставшись» [5. Р. 54] — строки о том, что без нектара блаженства любая форма теряет наполнение.

Чем ближе к завершению поэмы, тем внешнее и внутреннее становятся все менее различимыми, пока в последних двадцати строфах не сливаются воедино. Голос героини становится голосом самого Наммальвара: «Среди толпы прелестных женщин или в окружении нравственных брахманов, на празднике или в уединенном месте, тебя, о Тёмный, мечтаю увидеть, мой драгоценный самоцвет, с чакрой златою и раковиной снежною в руках!» [5. Р. 64].

Для русскоязычного читателя «Тирувируттам» сродни «Слову о полку Игореве», тем более что оба сочинены в одну и ту же историческую эпоху. Как для современного слуха непривычен и непонятен древнеславянский язык, так и стиховая речь Наммальвара остается неясной. Чтобы донести её до русскоязычной аудитории, пришлось отказаться от всех вторичных признаков — рифмы, слогового метра и других. В результате перед нами свободный, ничем не ограниченный стих, передающий только смысл и поэтическую атмосферу. Однако простая лексика, глубокие образы и живость речи Наммальвара сохранились как первоизданные. К примеру, «голосом низким анрил сокрушается, высоким [голосом] волны с шумом бьются о солёные скалы» [5. Р. 64], — о разлуке с возлюбленным. Для манеры Наммальвара характерна удивительная краткость, вводящая в восторг. Его стихи светятся изнутри, словно драгоценный камень расцветивается солнечным лучом.

Как и другие альвары, Наммальвар достигает выразительной краткости благодаря каскаду ярких образов, захватывающих дух. Он играет метафорами и звуками, которые в тамильском оригинале переплетаются между собой. «Над горной грядой вздымаются два Солнца огненно-красных, — поёт альвар и подсказывает, — глаза моего Господина над Удаягири пылают» [5. Р. 63]. Восторженное сердцебиение возникает не только и не столько из-за роскоши его языка, сколько из-за особенностей произнесения коротких слов. Декламация сопровождается затаенным дыханием, воссоздающим пьянящее ощущение мистического опыта Наммальвара. Тамильский оригинал заставляет концентрироваться на дыхании, следить за вдохом и выдохом, что имитирует расширение и сжатие: «Кто породил и поглотил миры, теперь поглощает меня целиком» [5. Р. 57], — устами героя открывает секрет Наммальвар. Особенности воспроизведения стихов делают их не только популярными среди преданных Вишну, они — неотъемлемая часть божественно-поэтического видения самого альвара.

Его родной поэтической формой является стиль андади (*antāti*), где благодаря созвучию или однокоренным словам последний слог строки повторяется как первый слог следующей строки. Андади предпочитали и другие «погруженные в Вишну» (то есть альвары, *ālvār*) — Пойгай, Бхутам, Пей, ученик Наммальвара Мадхуракави или Камбан, автор тамильской версии «Рама-яны». Однако только в искусных руках Наммальвара андади становится невероятным. Он играет каламбурами, омонимами и мастерски манипулирует слоговым звуком. На русском дословно это звучит как «съел хитрый масло из

горшков, затем весь мир [попал в его] живот великий, как великий карлик договорился с Великим Бали, проглотил всю Землю, поглотил он сердце моё, не желает оно никого, лишь хитреца великого» [5. Р. 67]. Игра слов в андади, с одной стороны, ставит перевод стихов на грань возможного, с другой — благодаря ему возникают живые и непосредственные образы, делающие далекое — близким, а высокое — родным. Стиль андади Наммальваром выбран неспроста: он воспроизводит бесконечные вселенские круги. Нескончаемый цикл единения и разлуки влюбленных, рождение космоса и его конец, порочные круги рождений и смертей, из которых может вывести только Вишну. Поэма превращается в непрерывный цикл, в котором нет ни начала, ни конца, — звучит лишь биение жизни, ради которой божественное снисходит на Землю — подобно непостижимой природе самого Вишну.

Наследие канонов сангам

Наммальвар не зря считается талантливим наследником тамильских поэтов прошлого. «Тирувируттам» полностью построен по канонам сангам — сообщества придворных поэтов Южной Индии, сочинявших в первые три века н. э. Главными темами их творчества были величие правителя и красоты его столицы, а также любовь между мужчиной и женщиной. Наммальвар воспроизводит каноны сангам, заполняя традиционную форму новым содержанием. Воспеваемым правителем становится Вишну, его прекрасная обитель — Вайкунтха, а любовь — отношения между Вишну и душой [6]. В руках Наммальвара придворная поэзия превращается в гимн преданной любви к Богу. Предтечей «Тирувируттам» считается эпическая поэма «Айнкурунуру» (Ainḱurunūru), датируемая III веком н.э. [7. Р. 409]. Это гигантское произведение в 500 строф, написанное по канонам сангам пятью поэтами при дворе правящей семьи Чера. Каждый из авторов описал один из пяти любовных мотивов «тиней», представленных пейзажами: знакомство и первая влюбленность (горный пейзаж), ожидание встречи (лесные уголья и пастбища), раздоры влюбленных (плодородные равнины рек), страдания (побережье) и разлука (пустынный пейзаж). Все любовные мотивы имеют собственные наименования по названиям цветов — соответственно, куринчи, муллей, марудам, нейдаль и палей. Наммальвар их упоминает в 26 строфе «Тирувируттам», говоря о том, что для единения возлюбленных героям предстоит пройти пять чувственных состояний, или земель.

Классический сюжет по канону сангам начинается со знакомства главных персонажей. Вскоре их ждет разлука, однако герой обещает вернуться ко времени цветения конрай, то есть к началу сезона дождей. По исходу срока на ветках конрай появляются желтые бутоны, однако герой все не возвращается. Подруга успокаивает героиню, что время еще не вышло, но уговоры не уменьшают её страданий. Наммальвар повторяет классические любовные мотивы «тиней» во взаимоотношениях с Тирумалем. Любовь между ним и влюбленной душой ничем не отлична от человеческих отношений. Главное

действие разворачивается в лесистых предгорьях легендарной Тирумалы. В 15 строфе подруга героини проговаривается: «Дни за днями храним мы роши повелителя Венкаты» [5. Р. 38]. Речь идет о Вишну-Венкатешваре из храма на холмах Тирумалы, который благодаря поэзии Наммальвара станет культовым местом паломничества. Холмы Тирумалы являются не чем иным, как мотивом муллей — местом предвкушения встречи с Тирумалем. На холме Венката герои впервые встречаются и знакомятся, любовная стрела бога любви Камадева пронзает их сердца (мотив куринчи). Вскоре они расстаются, героиня отправляется в бесплодные поиски по пустым тропам Тирумалы, где лишь «охотники с изогнутыми луками, погонщики скота да кровожадные разбойники» (мотив палей). Она выходит на шумный берег моря и взывает к волнам: «Не стирайте следов укотившей глубокой ночью колесницы моего возлюбленного, кто как сверкающий ночной бриллиант» [5. Р. 38] (мотив нейдаль). Она обвиняет героя в жестокосердии, вспоминая о нем возле реки и разговаривая с лотосами и ампалами (мотив марудам). В конечном счете время приходит, конрай цветёт, предчувствуя возвращение возлюбленного.

Наммальвар искусно встраивает классические сюжеты сангам в «Тиру-вируттам». К примеру, в 55 строфе герой спрашивает пчел, где они могли встретить аромат цветов, которым благоухают её волосы? Схожий образ встречается в другом тамильском стихотворении «Курунтокай» (Kuruntokai) [5. Р. 186], сочиненном за несколько столетий до Наммальвара и ставшим классикой любовной лирики. Оттуда же Наммальвар заимствует символ конрая как приближение сюжетной развязки. По всей видимости, собиратель стихов альваров, первый учитель шри-вайшнавизма Натхамуни (824—924), не в точной хронологической последовательности сохранил строфы, отчего любовные мотивы намешены без очевидного порядка. Строфы 68 и 69, скорее всего, были завершающими и предшествовали последней философской двадцатке строф. Ведь в них — предчувствие рассвета, на фоне которого маячит неясный силуэт Тирумала. Самого же героя повествования слушатели стихов не застают — Наммальвар оставляет последнюю страницу пустой, заставляя играть их воображение.

Герои произведения

Главная героиня, или найика (nāyikā), — юная девушка с густыми вьющимися локонами, чьи «губы подрагивают как нежные листки». Она олицетворяет человеческую душу, ведь душа столь же прекрасна, как сама райская обитель Вайкунтха. О душах Наммальвар отзывается как о проявлении великолепия Вишну. Душа не может предстать ни в каком другом облике, кроме прелестной девушки, ведь она — отражение божественной красоты. Души вольны выбирать себе прибежище, или мир для наслаждения. Впрошая, главный герой их называет: Земля и Вайкунтха, где обитают небожители. У душ-девушек выбор невелик: бесконечно перерождаться на Земле или подняться на Вайкунтху.

Образное представление Наммальвара легло в основу деления душ в философии шри-вайшнавизма. Они или привязаны к игровому миру (*līlā vibhūti*), или жаждут освобождения без забот и тревог, или добираются до вечного мира истинной реальности (*nitya vibhūti*). Все, что не относится к мнимому миру тел из грязи, является бесплотной вселенной Вайкунтхи, где души становятся нитья-сури, или бессмертными небожителями. Изредка Мадхава рождается в материнских утробах ради спасения жизнью, чтобы свободные души «пересекли небо» и достигли обители молодости, счастья и процветания, лежащей вне времени.

Освобождение дарует темноликий Тирумаль, воплощение любви. Он одновременно и повелитель небес, и дверь в них, и конечная реальность, за пределами которой «больше никого». Чаения героини, сравнимые с любовным безумием, устремлены лишь к единственному. Когда Наммальвар думает о Непревзойденном, то превращается в главную героиню. На ежегодном празднике декламации священных гимнов в Южной Индии его статую нередко одевают в Парангуса-найика (*Paṅṅkuṣa Nāyikā*, буквально, автор-героиня), женскую ипостась альвара. Не менее четверти эпического «Тируваймоли» он озвучил голосом главной героини. Её «я» жаждет единения с возлюбленным и трепещет от одной лишь мысли о разлуке. Во всей красоте Наммальвар раскрывает природу «я» и позволяет проникнуть в тайну любовного слияния. В тамильской среде «я» — это и жизнь, и дыхание, и сердце, и ум, и даже самость — в отличие от западной ментальности, все они неразрывны между собой. Без единства сердца и ума не может быть ни любви, ни гармонии. На тамильском языке альвары говорят об «уйир» (*uyir*) или «ави» (*āvi*) — «дыхании жизни» или, по-простому, «живости» [2. Р. 113]. «Его птица [Гаруда] одинокое сердце моё унесла, прохладный бриз осаждает меня, принося запах тулласи, что украшает ароматные пряди того, кто высосал жизнь асури, жизнь трепещет моя...», — произносит Наммальвар [5. Р. 33]. Во влюбленной все едино: её сердце (*ṅaiṣam*) похищено, её дыхание жизни (*avi*) — трепещет. Душа пластична словно вода, она проливается как слезы, дрожит как северный бриз и даже уносится вслед за быстрой птицей. Тамильское «я», или ритмичное дыхание жизни, трепещет и поет. Но оно может и замедлиться до точки замерзания, когда не чувствуешь своего дыхания, а воспринимаешь лишь любимого. «Тело вялое с прерывистым дыханьем к гибели ведет», — жалуется мать героини [5. Р. 64]. Дыхание жизни входит в тело и покидает его, следуя циклу, никому не ведомому, кроме Всевышнего. В дыхании он воплотился сам: пока душа дышит любовью, в ней теплится жизнь. В тамильской культуре быть человеком — значит жить в любви, заводить речь — буквально быть «способным любить» [8. Р. 229]. Пока Господь, или Высшая душа (*Пурушоттама*, *Puruṣottama*), пребывает в человеке, он дышит любовью.

На первый взгляд может показаться, что девушка-душа играет пассивную роль, о чем говорят её непрерывные стенания на протяжении всей поэмы. Однако поверхностное впечатление обманчиво. Как ни покажется странным,

она сама на охоте за Нараяной. Её оружие — изящные изгибы бровей словно луки, а стрелы — быстрые взгляды из-под густых ресниц. Красавица «скрывается в засаде, чтобы сразить любовью». Слезы, страдания и упреки в жестокосердии — всего лишь способы заполучить возлюбленного в свои объятия. Однако её охота похожа на ночное выжидание рыбака, расставившего к утру сети. Как пел другой неподражаемый вайшнавский поэт Таллапака Аннамайя (1408—1503), «терпение — политика для девушек / не противопоставляй себя — мужчины мягкие / упрямство не сработает, будь ему другом, он влюбится сам / не показывай силу, просто смейся / вот в чем природа мастерства, терпение — политика для девушек» [9. Р. 20]. Искусство обольщения отца Манматхи легло в основу южной школы шри-вайшнавизма, где преданные не бегают за милостью, а делают все, чтобы властелин небес сам за ними пришел. История их взаимоотношений предрешена: её судьба — полюбить Несравненного среди всех миров. Она не вольна выбирать, сколько бы ни звала своё сердце обратно. Как замечает Наммальвар, «узы судьбы их связали». Участь души не отлична от предназначения Тирумакаль, или божественной супруги Лакшми: вечно наслаждаться в объятиях великолепного Господина. «Она — конец [последняя любовь] владельца булавы, — произносит альвар и добавляет, — неотделима от него как Лакшми, словно тень» [5. Р. 32]. Предначертанное не может не сбыться, как «рассвет следует за покровом ночи», — девушке, похожей на Вайкунтху, судьбой назначено оказаться в неге небесной обители.

Вокруг главной героини действуют второстепенные персонажи — её мать, подруги и даже ведунья-знахарка с почитателем Муругана. Принадлежность их голосов трудно разобрать. Наммальвар не оставляет следов, кому какой голос принадлежит. Их владельцев можно вычислить только из контекста строф. Для удобства я обозначаю в переводе каждой строфы предполагаемого персонажа и мотив его речи. Персонажи второго плана, хотя и играют вспомогательные роли, не менее важны. Наммальвар рисует несколько сознаний преданной любви. Подобно рекам, все они устремляются к бездонному океану любви, однако разными путями. Главная героиня олицетворяет бхакти, или преданную любовь. Мать представляет собой антагониста, предпочитающего формальные отношения с Тирумалем. Её удел — чтение священных текстов, проведение ритуалов и почитание на расстоянии. Когда дочь делится чувством, которое у нее вызывает цвет тела Тёмноликого, мать видит в этом дерзость и нарушение границ дозволенного. Репутация дочери важнее, чем взаимоотношения с возлюбленным. Подруги героини — две наперсницы, доверенные лица. От её имени они общаются с главным героем, разделяют её чувства и соперничают. Подруги выступают в качестве посредниц, которые посвящены в любовные тайны, однако сами они не испытывают глубоких чувств. С легкостью Наммальвар играет образами, к которым обращается главная героиня. С легкостью они превращаются в природные силы и обратно в подруг. Героиня вызывает к прохладному бризу, и тот

голосом подруги ей отвечает, что от любви сам не свой. Влюбленная вопрошает непроглядную ночь и тёмный океан, желая им доброй жизни. В ответ подруги озвучивают её чувства, находящие отражение в природной стихии. Для героини холодный ветер сезона дождей, бурлящий океан и бескрайняя ночь — несостоявшиеся ухажеры, претенденты на её любовные браслеты из ракушек. Она сохраняет с ними приятельские отношения, отчего ко второй половине поэмы голоса главной героини и наперсниц-стихий сливаются в унисон.

Поэтические аллегории Наммальвара всегда находились под пристальным вниманием учителей шри-вайшнавизма. На протяжении поколений они ищут в стихах сакральный смысл. Наследники «отца» шри-вайшнавизма, Рамануджи (1077—1157), читают поэзию альваров в свете Упанишад, веданты, «Рамаяны», «Махабхараты» и «Вишну-пураны». Кришнапада, известный как Перияваччан Пиллай (Periyavācṣāṇ Piḷḷai), живший в первой половине XIII века, прокомментировал все 4000 стихов альваров. В своих разъяснениях он истолковывает отдельные слова стихов, чтобы обнаружить их внешнее и внутреннее значение. Наиболее известным комментатором художественных образов Наммальвара считается Алакия Манавала Перумал Наянар (Azhagiya Manavala Perumal Nayanar), живший во второй половине XIII века. Помимо того, что он был младшим братом Пиллай Локачарьи, основателя южной школы шри-вайшнавизма, Перумал Наянар известен сочинением «Сердце учителя» (Ācārya Hṛdayam). В нем предлагается расшифровка аллегорий Наммальвара, включая внешний вид девушки, цветов, пчёл, птиц и т.д. Некоторые из символических ассоциаций тамильской поэзии хорошо известны. Например, птицы-посланники с весточкой считаются духовными учителями, связывающими души со Всевышним. Другие характерны только для традиции шри-вайшнавизма, например, крик павлина как звук имени Вишну [10. P. 58—82].

Образ Вишну-Тирумаля

Персонажи, бриз, океан и ночь поют о Единственном. Его тамильское имя — Канна (Kaṇṇan), то есть буквально «Любимый». В том, что Канной именуют Вишну, нет никакого сомнения. В поэме Вайкунтха названа небесным городом Канны. Трудно удержаться от соблазна увидеть в главном герое Канну. Однако Канна и главный герой — не один и тот же персонаж. Уже в своем первом обращении он говорит о Вишну как о третьем лице. О главном герое можно сказать лишь одно: он родом с Вайкунтхи. Герой очарован красотой героини, которая может заморозить даже йогинов, и мысли его уносятся к небесной обители. В традиции шри-вайшнавов принято видеть в героине Наммальвара, а в герое — сообщество вайшнавов [5. P. 95]. Устами героя они восхваляют девушку-Наммальвара, чей внутренний взор обращен к Вишну и «бежит от скверны». Очевидно, что Наммальвар никак не предполагал организованное сообщество своих будущих почитателей. Герой

зеркально отражает чувства героини, что позволяет ей лучше себя понять. Во многом они становятся персонажами-близнецами, идеально подобранной парой, для которой Канна — их высший герой и покровитель. В поэтическом мире альвара нет линейных образов, все они взаимно перетекают и не являются тем, что кажется на первый взгляд. Не стоит забывать, что сюжет развивается на холмах Тирумалы, где Вишну-Венкатешвара наслаждается земными играми. Ко времени Наммальвара на пике Венката уже воздвигли храм, обраставший легендами. Считается, что время от времени Вишну рождается на холмах, чтобы встретиться со своей возлюбленной Лакшми, которая также воплощается в теле. Влюбленные не помнят, кто они и откуда, лишь взаимная любовь может вернуть им память. Истории любовных приключений божественной пары, приходившей на священную землю, составляют мифологию Тирумалы. По всей видимости, Наммальвар разродился протоисторией, столетия спустя оформленной поэтессой Таригонда Венгамамбой (1730—1817) в стхала-пурану «Шри Венкатачала Махатмья» (*Śrī Vēṅkaṭācala Māhātmya*). В контексте местных мифов «Тирувируттам» играет новыми красками. В его сюжете проглядывается повесть о Шринивасе и Падмавати — земных воплощениях Вишну и Лакшми на холмах Тирумалы.

«Проникающий во всё» Вишну сквозит в пейзажах, речи и чувствах персонажей. Наммальвар дает шанс увидеть неподражаемого Маля своими глазами. На протяжении всего «Тирувируттам» он обращается к судьбоносной истории «Ригведы», где Вишну-Тривикрама совершил знаменитые «три шага», охватив весь мир (гимны 1.22 и 1.154). Сюжет является ключом к пониманию природы и характера Вишну. Тремя шагами охватив миры, «Всепроникающий» оказался в каждой материи и живом существе, смысле и чувстве. Как пел именитый предшественник Наммальвара, Кадуван Илавейнанар, «в огне ты — тепло, в цветах — аромат, среди камней ты — алмаз, в словах — правда...» [11. P. 49]. «Взгляни, стопы мои охватывают Землю и небо, — промолвил Вишну и докоснулся выси...» [5. P. 48]. Проникаясь всеприсутствием, альвар чувствует его вокруг. «Красота твоих глаз — в моих глазах, что вижу я повсюду», — признается поэт [5. P. 47]. Его охватывает ощущение бесконечной, пронзительной красоты, для описания которой ему не хватает возвышенных слов. Альвар отзывается о Всепроникающем, прибегая к лotosовым метафорам: очи как лотосы, руки как лотосы, стопы как лотосы. В окружении «погруженный в Вишну» видит божественную природу, вводящую его в чарующее опьянение. В шри-вайшнавской среде считается, что от созерцания трансцендентной красоты Наммальвар уходил в транс, откуда приносил свои стихи. Хотя священные тексты живописуют божественное великолепие, со слов «погруженного», им далеко до описания истинной красоты Канны.

В миг лицезрения происходит даршан (*darśana*) — Бог видит Наммальвара, а Наммальвар — Бога. Между ними возникает то, что у тамиллов зовется «арул» (*aruḷ*) — их обоих охватывает благодать [5. P. 154]. В ней соединены

любовь, милость и сострадание. Нараяна бросает на альвара благосклонный взгляд и тем самым дарует свою любовь и милость. Сердце Наммальвара при взгляде на повелителя Вайкунтхи начинает истекать нектаром любви. Чувство «арул» между ними текучее, мягкое, безграничное, теплое и одновременно спокойное. Распахиваются небеса, и над собой альвар видит парампаду (parampadam) — высший мир, сотканный из безграничного блаженства, который олицетворяют стопы Вишну. Потеряв ощущение земной реальности, альвар погружается в ласкающее тепло сияния. Для него ощущение Вайкунтхи более реально, чем игровой мир на Земле. Как провозглашает гимн «Ригведы», «освобожденные созерцают парампаду Вишну как обычные видят Солнце в небе» (гимн 1.22.20). Пребывающим сознанием на Вайкунтхе не страшна никакая судьба, ведь они уже живут в мире без забот и тревог. Наммальвар отзывается о секрете спасения: «Как злобный рок коснется нас, чтящих Тирумалья?» [5. Р. 66].

Однако более всего альвар трепещет перед явлением Канны на Земле. Вне времени Тирумаль пребывает в райских кущах небесной обители. Когда ему вздумается развлечься, приняв человеческий облик, он на мгновение покидает Вайкунтху, чтобы прожить целую земную жизнь. «Безупречные гирлянды предложат, омоют прохладной водой, овеют ароматом благовоний бессмертные в небе высоком, — живописует Наммальвар и добавляет, — но ты ловко исчезнешь, чтобы черпнуть и угоститься маслом, потанцевать между рогами горбатого быка, ради красавицы...» [5. Р. 40]. Для поэта нет ничего ценнее, чем аватара Вишну. На небесах бессмертные смакуют вкус Мадхавы, погружаясь взором в свои чувства. Но «Грезят ли нитья-сури днем и ночью одним из обликов твоих многих? — вопрошает Наммальвар и отвечает. — Им не понять непритязательных слов “он угостился маслом”!» [5. Р. 69]. Живое прикосновение к возлюбленному для него дороже, чем безбрежный внутренний океан чувств, который рождается от немигающего взгляда на него.

Наммальвар и его наследие

Наконец, «Тирувируттам» может поведать о своем создателе. О себе Наммальвар упоминает лишь однажды в пхала-шрути, или завершающей строфе, что он из города Куругура, где «добрые люди воспевают имя Вишну». Тем не менее, поэма раскрывает личность Парангуса-найика, поющего голосом девушки. Хотя учителя шри-вайшнавизма обожествили Наммальвара, в нем сохраняются человеческие черты. Как и остальных, его одолевают вопросы: можно ли говорить с Богом, слышит ли он меня, означает ли его молчание мою вину? Однако, не позволяя вопросам стяжать себя, он дает им проплывать мимо дождевыми тучами. Альвару не интересны причуды ума, его увлекает повелитель Вайкунтхи, чей образ заполняет его ум и сердце. Все вокруг напоминает о темноликом Господине. Шум прибой шепчет о тучах

цвета Тирумалю, что из океана утоляют жажду. Бриз сезона дождей предвещает неминуемую встречу. Туласи дурманит ароматом его кудрявых волос. Непроглядная ночь, или разлука, как занавеска майи, за которой прячется любовник — Майяппиран, повелитель иллюзии. «Когда видим все, что столь похоже на него, — голосом героини говорит Наммальвар, — очарование охватывает нас» [5. Р. 66]. Рождается текучий теплый «арул» — любовь к Проникшему повсюду, она же — его милость, неотличимая от чувства к благостному Малю. Любовное переживание утоляет жажду по любви, словно Тирумаль насыщает живительные тучи. «В единстве мы, когда ты в мыслях моих», — признается альвар [5. Р. 56]. Его уста поют славу тому, кому нет равных среди всех миров. Единство с возлюбленным Наммальвар называет севой (*sevā*), или любовным служением. Руки творят его благо, глаза наслаждаются его красотой, язык воспевает его имена. Поэт не знает лучшего служения, чем дать Нараяне заполнить свой сосуд нектаром и щедро поделиться блаженством с окружающими. «Строфам песни искусный Тирумаль меня научил», — признается альвар [5. Р. 50]. Однако делает это с предельной скромностью, приписывая плоды своих дел вдохновению свыше. Как черви, копошащиеся в ране из 48 строфы, не знают о космических тайнах мироздания, так и Наммальвару нечего сказать. Вишну произносит строки «Тирувируттам», используя альвара как флейту, в которую проникает дыхание любви.

Как и другие произведения Наммальвара, «Тирувируттам» исполняют дома, в храме, во время праздничных процессий. Петь или слушать стихи альвара значит наполняться смешанным чувством одновременного присутствия и отсутствия Бога. С одной стороны, Всевышний здесь, сокровенно живет в сердце, о чем говорят чувства. С другой стороны, он скрыт от внешних взглядов. Сквозным сюжетом «Тирувируттам» является вираха-бхакти (*viraha bhakti*), любовь в предчувствии встречи. «Я скрылся с глаз, чтобы влечение ко мне сохранялось, как человек без гроша в кармане мечтает о сокровище», — объясняет Вишну в «Бхагавата-пуране» (книга 10, часть 1, глава 32, шлока 20). Один из способов вернуть его внимание — петь вместе в окружении влюбленных. Исполнение побуждает найти в себе собственного альвара. Гимны же становятся путеводной картой по миру божественного. «Тируваймоли» Наммальвара является его самым пространным и наиболее известным произведением. Однако без путеводной лирики «Тирувируттам» понять огромную поэму непросто. Как ритуальные песнопения «Самаведы» заимствуют стихи «Ригведы», так и без «Тирувируттам» гигантское «Тируваймоли» теряет блеск. Не зря «Тирувируттам» считается тамильской «Ригведой».

References

- [1] Hopkins S. Tiruviruttam. A Hundred Measures of Time. *Journal of Hindu studies*. 2017;(10):365—367. <https://doi.org/10.1093/jhs/hix021>
- [2] Shulman D. *Tamil: a Biography*. Cambridge, London: Belknap; 2016.

- [3] Hooper J. *Hymns of the Ālvārs*. Calcutta: Association Press; 1929.
- [4] Ramanujan A. *Hymns for the drowning: poems for Viṣṇu*. New Dehli: Penguin Books; 1993.
- [5] Venkatesan A. *A hundred measures of time: Tiruviruttam*. Gurgaon: Penguin Books; 2014.
- [6] Clooney F. Book Review: A Hundred Measures of Time: Tiruviruttam. *Journal of Hindu-Christian Studies*. 2015;(28). <https://doi.org/10.7825/2164-6279.1615>
- [7] Anandakichenin S. Book Review: A Hundred Measures of Time: Tiruviruttam. *International Journal of Hindu Studies*. 2016;(20):408—410. <https://doi.org/10.1007/s11407-016-9198-1>
- [8] Venkatkrishnan A, Ollett A, Shulman D. *Nammalvar's Tamil A Hundred Measures of Time: Translator's Note and Text*. Bronner Y, Hallisey C, editors. University of California Press; 2022. <https://doi.org/10.1515/9780520384484-015>
- [9] Narayana Rao V, Shulman D. *God on the Hill: Temple Poems from Tirupati*. New York: Oxford University Press; 2005.
- [10] Damodaran G. *Ācārya Hṛdayam: A Critical Study*. Tirupati: Tirumalai Tirupati Devasthanams; 1976.
- [11] Zvelebil K. *Tamil literature*. Wiesbaden: Harrassowitz; 1974.

Сведения об авторе:

Моисеев Сергей Рустамович — доктор экономических наук, доцент, Банк России, Москва, Россия (e-mail: srmoiseev@gmail.com). ORCID: 0000-0002-9044-5403

About the author:

Moiseev Sergey R. — DSc in Economics, Associate Professor, Bank of Russia, Moscow, Russia (e-mail: srmoiseev@gmail.com). ORCID: 0000-0002-9044-5403